

Л. Разумовская
драм.

6/II-88

Советская молодежь
г. Рига

6 ФЕВ 1988

ГОСТЬ «КАМЕРТОНА»

«БЕЗ ПОЩАДЫ К САМИМ СЕБЕ»

Мы уже рассказывали о возобновленной в Рижском ТЮЗе постановке драмы ленинградского автора Людмилы Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна» — острореальной проблемной пьесы, с которой в 1981—83 годах драматург удачно дебютировала на многих сценах страны. Но в мае 1983-го пьеса была снята с репертуара. А всего Людмилы Разумовской на сегодняшний день создано девять пьес (первая, «Семья», написана в 1976 г.), сценическая жизнь большинства из которых, по сути, еще впереди. По сценарию Разумовской Эльдар Рязанов недавно закончил съемки фильма на основе пьесы «Дорогая Елена Сергеевна». Прошедшей осенью в Дубуты драматург завершила киносценарий для «Таллин-фильма» по роману Э. Бэзкман «Возможность выбора», начала новую пьесу «Ровесник революции», в которой делается попытка осмыслить жизнь человека, пережившего вместе со страной все ее радости и трагедии.

О главных темах своего творчества, о том, что больше всего беспокоит сегодня в человеке, этот монолог Людмилы РАЗУМОВСКОЙ, записанный Натальей Морозовой.

сти. Он оказался лишним, ненужным обществу, и все его усилия — ненужными. Он либо расшибал голову о стену, либо уходил в бездействие, неучастие, в нем атрофировались все волевые, все мужские начала. Если не был подлецом — оставался не у дел, уходил в сторону. Все это порождало вялого, аморфного, безответственного героя. Уставшего от не-жизни, не-бытия, не-действия и уже не желающего никакого действия, никакой ответственности.

Судьба женщины — отдельный разговор.

В самой трагической ситуации оказалась именно она. В силу своих духовных и биологических особенностей она не могла позволить себе отказаться от участия в жизни. А во что это вылилось, когда мужчина вынужден был «самоустраиваться»? В ней произошло отчуждение не только социальных начал, но и самой биологической женской сущности: она зачастую не могла иметь ни дома, ни семьи нормальных, ни детей. За эти элементарные права ей приходилось бороться. Они должны быть данностью, непреложной в любом цивилизованном обществе, а оказалось, что даже иметь мужа, ребенка, крышу над головой — подчас неразрешимая, трагическая проблема. Поэтому в моих пьесах и возникает конфликт между активной, страстной женской натурой и пассивной, вялой — мужской. А сделали мужчину таким социальные условия.

Или эмансипация — тоже явление социальное. За нее боролись, ее добились, но поняли очень вульгарно. У нас равенство между мужчиной и женщиной обернулось такой же уравниловкой, как и в остальных сферах общественных отношений. (Образно говоря, конечно, и профессор, и дворник в определенном смысле равны, но страшно, когда дворник считает себя выше, «главнее» профессора.) У нас женщина несет двойную нагрузку и ответственность, а мужчине вдруг стало очень удобно существовать в такой системе, когда ему не надо отвечать ни за материальное благополучие семьи, ни за воспитание детей. Отсюда — безответственность мужская и невыносимая тяжесть женская.

ЕЩЕ ОДНО меня очень тревожит — жестокость.

Самое для меня поразительное то, как изменилась народная нравственность. В самой глубине народа есть всегда какие-то непоколебимые нравственные устои,

многовековые моральные установки, критерии. Одной из коренных особенностей нравственного сознания русского народа, например, всегда была свойственная ему жалостливость, величайшая способность к состраданию, милосердию даже к оступившемуся, преступнику (и, может быть, именно к нему в первую очередь). И то, как могли поколебаться эти коренные черты русского характера в народной массе, — поразительно! Какой это был неумолимый процесс изгнания из народной души этих качеств — натравливанием отцов на детей, на братьев, насаждением всеобщей подозрительности, шпионажа, возникавших из страха за свою жизнь... Как это постепенно разлагало души, превращало нас в рабов, жестоких, озлобленных, мстительных, не умеющих ни сострадать, ни прощать, ни, самое страшное, — осознавать свои грехи, каяться. Неспособность к покаянию — тоже один из моментов деградации народной нравственности, из нее произрастает воинствующая агрессивность, желание обвинить во всех бедах кого угодно, только не себя. Это дает страшные результаты.

И если говорить о пьесе «Дорогая Елена Сергеевна», то при всем неприятии, всем отвращении, которые вызывают эти представители молодого поколения, мы должны все же понимать, что их жестокость — плод нашей общей, десятилетиями усугублявшейся жестокости.

Думается, каждый человек должен прежде всего обратиться к своей душе и посмотреть, что же в ней творится. Осталась ли в ней хоть крупица любви к ближнему — или она заросла ненавистью, злобой, раздражением.

Все, что происходит на свете, существует в таком единстве, так связано одно с другим, что ни об одной проблеме нельзя говорить в отдельности. Не могут быть добрыми, прекрасными дети, если их матери злы, жестоки, если тысячи — в домах ребенка. А женщины не могут быть ласковыми — очень уж им трудно живется, они часто не видят ни добра, ни ласки. Когда рвутся самые тонкие, близкие человеческие связи, распадается семья — не может быть и полноценного здорового общества.

Мы только сейчас пытаемся охватить взглядом весь круг своих проблем и видим, что их непочатый край, бесконечное множество. И главное сейчас — как можно глубже, без пощады к самим себе, эти проблемы осознать. Не прятаться от них, не закрывать глаза, не делать вид, что нас это не касается и нас обойдет, а суметь мужественно заглянуть в собственную душу и спросить прежде всего у самого себя — как живешь, как относишься к окружающим?

НАЧИНАЛА я с тем сугубо проблемных.

Первая пьеса, «Семья», написанная в 1976-м, — о взаимоотношениях старшего и младшего поколений, мужа и жены. Тема эта остается и поныне, но выхожу теперь на попытки осмысления бытия вообще, смысла жизни.

Взаимосвязаны «Сад без земли» (в ленинградской постановке — «Сестры») и «Майя», моя любимая пьеса.

В первой из них хотелось достичь примирения с трагизмом бытия. У ее героини такая трудная, суровая биография, она так несчастна и так озлоблена этими несчастьями (в этом ей можно посочувствовать и понять ее), что предъявляет всем массу претензий и неудовольствий и считает, что выстрадала это право быть жестокой и ненавидеть весь мир. Но в результате всех обрушившихся на нее катастроф приходит все же к осознанию и собственной вины, к покаянию и — освобождению своей истинной человеческой, женской сущности. Она принимает жизнь с достоинством мужественного человека, что называется, несет свой крест. Она больше не отвечает злом на зло, не усиливает могущество зла.

«Майя» — попытка осмысления судьбы поколения сегодняшних сорокалетних, трагедии их нереализованности, духовного вымирания. И, с другой стороны, — попытка взглянуть на мир шире существующих социальных обусловленностей. Осознать жизнь как дар, как празднество, несмотря на убогость существования. Возможность увидеть за бытом — бытие и за обезображенным человеческим лицом — «лик божий». Вот что хотелось. Жизнь прекрасна, хотя и трагична. Вспомните фильм Тарковского «Андрей Рублев»: вокруг все ужасы мыслимые и немыслимые, — а Рублев создает прекрасное, светлое произведение.

ЕСЛИ ДОСТАТОЧНО ощутимые социальные сдвиги у нас произойдут, новая, здоровая, свежая жизнь (она потом и жизнь, что обладает животворным свойством) — произрастет.

Ведь нас так долго отучали быть хозяевами, отучали работать. А если учесть социальные нужды?.. Допустим (несмотря на все усилия) катастрофическую нехватку жилья. А ведь слово «жилье» недаром имеет один корень со словом «жизнь»... Происходило медленное, постоянное удушение естественной жизни — якобы, во благо. Ведь те же лимитчики, те же вечные «временные» бараки — это изломанные судьбы, и женские, и детские, здесь тоже истоки жестокости и бездушия.

В сущности, в определен-

ный момент человека оставили один на один с водкой. Человек работал — и все. А если своего дома — нет? Заняться, в массе своей, по сути, человек ничем не мог (спорт, самодеятельность всяческая далеко не всегда и всюду были обеспечены условиями)...

И еще парадокс — мы твердили о патристическом воспитании, а делали все, чтобы воспитать человека, свободного от своей истории, культуры, в чем еще Пушкин видел величайшую опасность, опасность варварства. Тип высококультурного, интеллигентного человека почти исчез, за редчайшим исключением. Нам нужно учиться заново, с азов — говорить элементарные «спасибо» и «пожалуйста», пропустить женщину вперед, поднять оброненную ею вещь... Как ни грустно, хамство стало нормой жизни, формой семейного существования стал скандал. Общая атмосфера, в которой до сих пор мы жили, — агрессивность. Сложно в ней взрастается интеллигентный человек.

Если жизнь начнет входить в более-менее нормальные человеческие границы... Повернуть ее в это русло — огромная работа не одного года, и работа всего общества. Лечить приходится запущенную болезнь, и не надо закрывать глаза на то, что, как всегда в таких случаях, кто-то вылечится, кто-то останется калекой... Но — сохраняется возможность положительно направленного действия. Появились люди, которые берут на себя эту заботу, ответственность, дело.

Естественная сегодняшняя реакция на отмену множества запретов — говорим, пишем о наблевшем, о плохом, и почти только о плохом. Но вот до смакования безобразий доводить нельзя. Это не выход. Это давит, и возникает чувство безнадежности. Именно сейчас, когда человеческие отношения и культура оказались не на высоте, нужно как можно больше говорить и о прекрасном, высоком, идеальном. Культура, искусство должны поднимать человека, а не тыкать его бесконечно в грязь. Нет, не выдавать черное за белое! Но обязательно показывать и белое, именно белое.

НА СНИМКЕ: Людмила Разумовская. Дубуты, осень 1987 года.

Фото Олега ЗЕРНОВА.